

ИСТОРИЯ

Научная статья
УДК 94 (47).05+06; 314.148
doi: 10.17223/15617793/478/9

Иноземное население Санкт-Петербурга первой половины XVIII столетия: опыт статистической реконструкции

Александр Николаевич Андреев¹, Юлия Сергеевна Андреева²

^{1, 2} Южно-Уральский государственный университет, Челябинск, Россия

¹ alxand@yandex.ru

² iulyand@yandex.ru

Аннотация. С опорой на церковные метрические книги впервые воссоздаются демографические структуры иноземного населения Санкт-Петербурга в первой половине XVIII в. В разные временные срезы авторы определяют численность иноземцев, их религиозный, национальный и социальный состав. Установлено, что наибольшая концентрация иноземцев (на уровне 10–13%) в городе наблюдалась в Петровскую эпоху, а в дальнейшем их доля снизилась до 6–7%. Выяснено, что большинство петербургских иностранцев принадлежало к ремесленно-торговой среде.

Ключевые слова: иноземцы в России, историческая демография, Санкт-Петербург XVIII в., численность иноземцев, состав населения

Источник финансирования: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-09-00030 «Иностранцы Санкт-Петербурга в первой половине XVIII столетия по метрическим книгам инославных приходов».

Для цитирования: Андреев А.Н., Андреева Ю.С. Иноземное население Санкт-Петербурга первой половины XVIII столетия: опыт статистической реконструкции // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 478. С. 72–79. doi: 10.17223/15617793/478/9

Original article
doi: 10.17223/15617793/478/9

The foreign population of St. Petersburg in the first half of the 18th century: An experience of statistical reconstruction

Aleksandr N. Andreev¹, Yulia S. Andreeva²

^{1, 2} South Ural State University, Chelyabinsk, Russian Federation.

¹ alxand@yandex.ru

² iulyand@yandex.ru

Abstract. The article systematizes data about the number of St. Petersburg foreign population in the first half of the 18th century, for the first time cites quantitative and qualitative indicators characterizing the religious, national and social composition of its foreign diaspora. The materials for the statistical reconstruction were the results of the analysis of the St. Petersburg Catholic and Protestant parish registers and the foreigners' databases created on the basis of these church books. To identify demographic structures, the authors used the methods of descriptive statistics and comparative analysis of statistical indicators, and to determine the number of foreigners ("inozemtsy"), they used the method of reconstructing values using constant coefficients expressing the ratio of the adult believers' number to the sum of church rites for a certain time period. As a result, they found that the greatest concentration of foreigners (at the level of 10–13%) in St. Petersburg was observed in the Petrine era, and under Anna Ioannovna and Empress Elizabeth Petrovna their share fell to 6–7%. The number of foreigners was a relatively constant value and amounted to about 4 thousands adult men and women at the end of the reign of Peter the Great, and about 4–5 thousand people of both sexes in the 1730s and 1740s. As parts of the foreign population, the authors separately took into account groups of Germans, French, Italians, Poles, Dutch people, Finns, Swedes, Armenians, Tatars, and other nationalities. The authors publish the results of a special study, during which the size of various religious groups of St. Petersburg residents was determined – such as Catholics, Lutherans, Calvinists, believers of the Armenian Apostolic Church. They substantiate the conclusion that initially it was not Germans, as is traditionally considered, but Swedes and Finns that prevailed among the foreigners of St. Petersburg, and only by the middle of the 18th century the Germans became the most common group of foreigners, accounting for about half of their number. The largest social stratum

of the foreign population in the city was the craft-working (future petty-bourgeois), they included masters and apprentices of the guild craft, artisans, all kinds of civilian specialists and persons who were in service. In the 1730s, this layer of Petersburgians incorporated about three thousand foreigners of both sexes, they made up a significant percentage of the commercial and industrial population of the city and strengthened the stratum of Posadsky residents. Turning to the questions of the socioprofessional composition of the St. Petersburg foreign society of the first half of the 18th century, the authors came to the conclusion that the confessional factor affected the choosing of the type of activity by foreigners.

Keywords: foreigners (inozemtsy) in Russia, historical demography, Saint Petersburg of 18th century, number of foreigners, composition of population

Financial Support: The study was supported by the Russian Foundation for Basic Research, Project No. 19-09-00030.

For citation: Andreev, A.N. & Andreeva, Yu.S. (2022) The foreign population of St. Petersburg in the first half of the 18th century: An experience of statistical reconstruction. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 478. pp. 72–79. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/478/9

Демографические структуры иноземного населения Санкт-Петербурга в первой половине XVIII в. еще ни разу не исследовались статистически. Главным препятствием к тому было плохое знакомство историков с метрическими книгами инославных приходов столицы при отсутствии иных репрезентативных источников. Поэтому развернутыми сведениями о численности, национальном и социальном составе петербургских иноземцев на раннем этапе развития города ученые никогда не обладали. Сегодня исследование книг церковного учета позволяет восполнить этот пробел в наших знаниях о жителях самого «нерусского города» страны. Данная статья является опытом обобщения и систематизации сведений, полученных в процессе многолетней работы над церковными документами.

Критерием отношения людей к категории иноземцев в России издавна являлась их принадлежность к неправославным вероисповеданиям или нехристианским религиям. К иноземцам официально причисляли всех, кто не являлся членом Русской Православной Церкви – и иммигрантов из-за рубежа, и «внутренних» иностранцев из нерусских народов [1. С. 6]. При этом используемые нами определения «иноземный» (иноземного происхождения) и «иноземский» (относящийся к иноземцам) при характеристике неправославного населения являются синонимами.

Численность и структура иноземного населения Санкт-Петербурга в первые десятилетия XVIII в. были подвержены существенным изменениям и зависели от множества факторов – военно-политических событий, мероприятий по реализации реформаторских замыслов царя Петра, миграционных процессов, включая внутреннюю миграцию. Значительные последствия имели победы России в ходе Северной войны и захват в плен подданных шведской короны, подписание мира и возвращение бывших военнопленных на родину, расширение строительства в «Парадизе» и массовая контракция иностранных рабочих, переселение британцев в связи с переводом английской фактории на берега Невы и иные акции. К концу Петровского царствования в городе насчитывалось около 1,9 тыс. взрослых представителей западнохристианских конфессий обоего пола, исключая финнов и шведов. Эти данные опираются на прямые указания численности прихожан в нарративных источниках и

подсчеты, сделанные на основании анализа динамики обрядов крещений и погребений. Показатель учитывает 1 200 католиков [2. С. 7; 3. С. 133], около 400 лютеран¹, примерно 150 кальвинистов² и чуть более сотни членов английской конгрегации [4. С. 167; 6. С. 8–9].

Серьезные затруднения возникают при попытке определить численность финнов и шведов «лютеранского закона». В отдельные годы Петровского царствования их совокупное число могло достигать пяти тысяч [4. С. 124], однако высокая смертность пленных на строительных работах, миграции финского крестьянского населения и другие причины делали эту группу иноземцев в количественном отношении малоустойчивой. В городе и его окрестностях исповедовавшие лютеранство финские крестьяне исчислялись тысячами: материалы первой ревизии 1719 г. в Санкт-Петербургском дистрикте зафиксировали 6,4 тыс. протестантов [7. С. 59]. После подписания Ништадтского мира количество финнов и шведов в городе должно было сократиться [8. С. 58]. За неимением иных данных воспользуемся сведениями Б. Янгфельдта, полагающего, что объединенный шведско-финский приход в начале 1730-х гг. насчитывал примерно 1 500–600 взрослых мужчин и женщин [8. С. 66; 9. С. 74]. Поскольку при ближайших преемниках Петра тенденция к сокращению доли шведов и финнов среди горожан в основном сохранялась, отмеченный показатель можно отнести к концу «Петрова века», считая его минимальным. Таким образом, с учетом шведско-финского населения в середине 1720-х гг. иноземцы западнохристианских конфессий в Санкт-Петербурге насчитывали не менее 3,4 тыс. человек.

Помимо западных христиан в структуре иноземного населения Санкт-Петербурга следует учитывать верующих Армянской Апостольской Церкви и мусульман. В 1710 г. армянская диаспора города состояла примерно из полусотни лиц [10. С. 229; 11. С. 95]. Возможно, к концу Петровской эпохи она достигла 300 верующих, поскольку в прошении армян о дозволении им иметь молитвенный дом, датированном сентябрем 1725 г., говорится о тридцати армянских дворах (в среднем двор населяли 10 и более человек) [12]. Впрочем, столкнувшись с препятствиями на пути своего развития при Елизавете Петровне, армянская ре-

лигиозная община даже на исходе XVIII столетия включала в себя менее ста персон [13. С. 282]. При преемниках Петра Великого целесообразно определять группу жителей «армянской» веры в 100 взрослых человек *saltem*. Численность же мусульманских народов существенно колебалась в зависимости от потребностей растущего города в рабочей силе: в 1709–1716 гг. на строительстве постоянно трудились порядка 1 600 поволжских и крымских татар, однако уже к началу 1720-х гг. число городских работников «вечного житья» татарской национальности уменьшилось в 10 раз [14. С. 224–226]. Кроме них в Татарской слободе к концу царствования Петра обособились татары-купцы – по документам, «торговых» татарских дворов было свыше двадцати (100–200 человек) [14. С. 230]. Таким образом, в начале 1720-х гг. мусульманская диаспора города вбирала в себя свыше 300 поволжских (преимущественно казанских) татар, а также немногочисленных турок, крымских татар, башкир, зафиксированных среди первых строителей Санкт-Петербурга. В Татарской слободе, кроме того, обитали некрещенные чувашаи, удмурты, калмыки и представители иных народов [15. С. 61]. Можно предположить, что вместе с ними всех иноземцев в Санкт-Петербурге к середине 1720-х гг. насчитывалось порядка 4 тыс. взрослых мужчин и женщин. По весьма приблизительным данным, доля иноземцев в общей численности постоянного населения города, определяемого в 30–40 тыс. человек к 1725 г. [16. С. 6], составляла 10–13%.

В 1730-е гг. ситуация с численностью иноземцев принципиально не изменилась. Религиозная структура иноземческого населения тех лет приблизительно выглядит так: в городе жили 1 500–2 000 взрослых католиков [2. С. 7], 2 000–2 500 лютеран³, 200 кальвинистов (реформатов) [5. С. 15], 100–120 англикан и представителей иных «британских» конфессий [6. С. 8], порядка 100 лиц армянской веры и небольшое количество мусульман. Численность западных христиан находилась в пределах 3,8–4,8 тыс., а общее число иноземцев, соответственно, могло составлять около 4–5 тыс. человек. Если исходить из того, что взрослое православное население столицы в 1737 г. насчитывало 68 141 душу мужского и женского пола [16. С. 6], долю иноземцев в это время можно определить на уровне 5,5–6,8%. Эти показатели в целом не противоречат ранее опубликованным данным, хотя и снижают их максимальную величину. Л.Н. Семенова полагала, что в 1737 г. неправославные жители столицы составляли примерно 6–9% от общего числа обывателей (т.е. порядка 4,3–6,7 тыс. человек), но при этом обоснования своим расчетам историк не представляла [16. С. 6].

К середине столетия состав иноземческого населения Санкт-Петербурга изменился, хотя его численность фактически осталась на прежнем уровне. В 1740-е гг. католический и англиканский приходы вступили в стагнационную фазу развития – их численный рост был крайне незначительным или отсутствовал вовсе. Реформатские общины (голландская и объединенная французско-немецкая) обнаружили явную

тенденцию к деградации. Лютеранский шведско-финский приход существенно сократился: по мнению ведущего специалиста по истории петербургских протестантов А.Э. Алакшина, даже в конце века, после благоприятного для всех «иноверцев» екатерининского царствования, взрослых финнов-лютеран в городе насчитывалось 800–900 человек, а шведов около 500 [4. С. 131]. При анализе статистики церковных обрядов шведско-финского прихода с применением при расчетах общего для лютеран коэффициента отношения совокупного числа взрослых прихожан к количеству крещений и (отдельно) погребений напрашивается вывод о том, что к середине XVIII в. приход вообще состоял только из двухсот мужчин и женщин⁴. Однако, судя по всему, эти данные нуждаются в корректировке в большую сторону. Вероятно, финское лютеранское население города имело иную половозрастную структуру, нежели немецкое, поэтому у финнов должен был быть свой коэффициент отношения числа прихожан к количеству проведенных обрядов. Этот коэффициент следует из статистических данных по финнам-лютеранам, приведенных академиком И.Г. Георги в конце правления Екатерины II: на 1 400 взрослых прихожан, по его сведениям, приходилось 100–125 крещений ежегодно ($k \approx 11,2$) [13. С. 277]. Если применить этот коэффициент, то к середине столетия шведско-финский приход мог состоять из трехсот взрослых верующих. Но даже эти данные свидетельствуют о снижении числа прихожан шведско-финской кирки минимум в пять раз. О причинах сокращения общины приходится гадать, однако наиболее вероятными кажутся две: во-первых, усилившаяся при Елизавете Петровне ассимиляция финского (в меньшей степени шведского) населения путем принятия лютеранами православия, а во-вторых, возвращение на родину тех бывших пленных, которые так и не пожелали за многие годы принять подданство и русскую веру. На заре елизаветинской эпохи (1743–1746) в ведомостях о принявших православие столичных жителях неслучайно преобладают две категории – магометане и женщины «финской нации» («девки» и «женки», реже вдовы) [17. Л. 68–68 об., 74–75, 87–91, 106–107, 224–227]. Массовое обращение последних в православие тормозило естественное воспроизводство лютеранского населения. В 1742 г., кроме того, возник важнейший законодательный прецедент: сенаторы распорядились отпустить в Финляндию «шведских пленных финских жителей», не желающих вступать в российскую службу [18. С. 724–725].

Устойчивое развитие в 1740-е гг. продолжали демонстрировать только немецкие лютеранские общины, но темпы этого развития не могли компенсировать убыль протестантского населения. К середине XVIII столетия в столице проживали приблизительно 1 800–2 100 католиков, 1 700–1 800 лютеран⁵, 100–150 реформатов [5. С. 15], 100–120 англикан [6. С. 8], 100 армян национальной веры и некоторое число мусульман. Таким образом, порядка 3,7–4,2 тыс. взрослых мужчин и женщин являлись представителями западнохристианских церквей и общин, а совокупное число иноземцев Санкт-Петербурга в данное время

могло составлять приблизительно 4,5–5 тыс. взрослых (6–7% от общей численности горожан в 74 283 человека на 1750 г. [16. С. 7]). Эти величины в целом согласуются с ведомостью петербургского генерал-полицмейстера о составе жителей, согласно которой из показанных в сентябре 1750 г. 74 283 петербуржцев и петербурженков 5 562 человека (включая 2435 «приезжих») относились к иностранным особам (почти 7,5%) [20. С. 19] (ср.: [21. С. 102]). Обратим внимание, что данная пропорция несколько меньше той, которой до сих пор оперируют историки, следуя за П.Н. Петровым, полагавшим, что в XVIII в. «иноверцы» (включая инославных христиан) составляли 10% от православного населения города [22. С. 663]. Свою пропорцию П.Н. Петров определил, исходя из статистических сведений конца XVIII в., опубликованных Санкт-Петербургскими ведомостями, и счел ее универсальной, т.е. применимой к ранней истории города [22. С. 665]. По его расчетам, в 1762 г. всех неправославных жителей столицы должно было насчитываться свыше 5 тыс. (10% от православного населения в 51 538 душ двух полов с детьми) [22. С. 664].

В век Екатерины II процент иноземцев среди петербуржцев действительно повысился: город стал гораздо более «иностраным», чем в середине столетия. Согласно подсчетам А.Л. Шлецера, в 1760-е гг. иноземцами являлись 12,5% горожан; по наблюдениям И.Г. Георги, только доля выходцев из стран Западной Европы в 1790-е гг. фиксировалась на уровне 1/8–1/9 (11–12,5% всего населения) [16. С. 20; 23. С. 4].

Национальный состав петербургских иноземцев был весьма разнообразным. Основные этнические группы иноземческого населения на конец Петров-

ской эпохи представлены в табл. 1. Из ее анализа следует, что примерно 40% иностранцев в то время являлись финнами и шведами (среди них могли быть и эстонцы, которых долгое время не отделяли от финского лютеранского населения). Немцы представляли собой вторую по численности, однако самую устойчивую в социально-демографическом отношении группу: почти каждый четвертый иностранец Санкт-Петербурга тогда был немцем (к немцам мы отнесли и германошвейцарцев). Таким образом, мнение, будто доля немцев «... в числе иностранных жителей Петербурга уже в Петровские времена достигала примерно 50%» [24. С. 177; 25. С. 157], надо признать ошибочным. Кроме того, в первой половине столетия численность петербургских немцев далеко не достигала пяти тысяч, как указывают некоторые авторы⁶. Отметим также, что католиков среди немцев, вопреки обычному их отождествлению с лютеранами⁷, было несколько больше. В целом число немцев-католиков примерно соответствовало количеству немцев-протестантов с учетом лютеран и кальвинистов. Татары, итальянцы, французы и поляки могут быть причислены к относительно распространенным категориям иностранцев – доля представителей каждой из этих национальностей среди иноземцев Санкт-Петербурга была весомой, но не превышала десятой части (составляла 5–6%, для татар – 7–8%). Довольно редкими оставались англичане, шотландцы и голландцы (всего 2–3% иноземцев). Экзотическими обитателями города были испанцы, португальцы, чехи, лужичане, латыши, фризы, фламандцы, датчане, норвежцы, турки и лица других национальностей, которые зафиксированы в метрических книгах инославных приходов.

Таблица 1

Национальная и религиозная структура иноземного населения Санкт-Петербурга в середине 1720-х гг.

Национальность	Религиозная принадлежность и численность адептов религии		Общая численность (обоих полов)
Финны и шведы	Лютеране	1 500–1 600	1 500–1 600
Немцы и германошвейцарцы	Католики	430–480	870–930
	Лютеране	400	
	Реформаты	40–50	
Татары	Мусульмане	300	300
Итальянцы	Католики	230–270	230–270
Французы и франкошвейцарцы	Католики	160–190	190–220
	Реформаты	30	
Поляки	Католики	170–200	180–210
	Лютеране	10	
Армяне	Армянские христиане	100–300	130–340
	Католики	30–40	
Выходцы из Британии (англичане, шотландцы, ирландцы)	Англикане	90–100	120–130
	Католики	20	
	Реформаты	10	
Голландцы	Реформаты	50–60	80–100
	Католики	30–40	
Итого:			3 600–4 100

Примечание. Таблица составлена по результатам анализа метрических книг и созданных на их основе баз данных: [5. С. 15–16; 6. С. 8–9; 19. С. 7–11; 27. С. 11].

В 1740-е гг. мы видим иную картину (табл. 2). В это время в структуре иноземного населения города уже, безусловно, преобладают немцы, которые вместе с немецкоязычными швейцарцами составляли примерно половину всех петербургских иностранцев. Среди немцев начинают превалировать лютеране. Также про-

исходит некоторое повышение доли итальянцев, поляков и французов – каждая из этих национальных групп занимала до 10% от общего числа иноземцев. В нашем распоряжении нет данных по татарам, но их удельный вес сокращался в связи с православизацией [16. С. 20]. Очень приблизительные и гипотетические данные

имеются об эстонцах, которые в это время входили как в шведскую общину, так и в финскую (в 1745 г. шведско-финский приход распался на две автономные части). Эстонцев в Петербурге не могло быть больше

финнов и шведов, хотя в губернии их проживало немало (например, в 1763 г. – 4 513 человек, среди которых преобладали жители Нарвы, подчинявшейся Петербургской губернской администрации) [28. С. 18].

Таблица 2

Национальная и религиозная структура иноземного населения Санкт-Петербурга в 1740-х гг.

Национальность	Религиозная принадлежность и численность адептов религии		Общая численность (обоих полов)
Немцы и германошвейцарцы	Католики	710–800	1 940–2 140
	Лютеране	1 200–1 300	
	Реформаты	30–40	
Итальянцы	Католики	380–460	380–460
Поляки	Католики	290–330	320–380
	Лютеране	30–50	
Французы и франкошвейцарцы	Католики	260–320	290–360
	Реформаты	30–40	
Финны и шведы	Лютеране	300	300
Эстонцы (эсты)	Лютеране	200	200
Армяне	Армянские христиане	100	150–170
	Католики	50–70	
Выходцы из Британии (англичане, шотландцы, ирландцы)	Англикане	100–120	130–150
	Католики	20	
	Реформаты	10	
Голландцы	Реформаты	40–60	100–130
	Католики	60–70	
Итого:			3 810–4 290

Примечание. Таблица составлена по результатам анализа метрических книг и созданных на их основе баз данных с присовокуплением сведений из специальной литературы: [4; 5. С. 15–17; 6. С. 8–9; 19. С. 7–11; 27. С. 11].

Социальный состав иноземного населения столицы лучше всего выявляется в Аннинский период, что обусловлено наличием метрических книг инославных церквей того времени, их сравнительно хорошей сохранностью и полнотой. Наиболее мощной иноземческой прослойкой следует признать ремесленно-рабочую (будущую мещанскую), к которой отнесены представители цехового ремесла, мастеровые, всевозможные гражданские специалисты и лица, находившиеся в услужении. По нашим подсчетам, в 1730-е гг. этот слой петербуржцев вбирал в себя около трех тысяч иноземцев обоих полов (с учетом шведов, которые в основной массе зарабатывали кустарным производством, а также финнов, нанимавшихся в качестве прислуги и рабочих по хозяйству). Согласно статистике начала 1730-х гг., «большинство мужчин шведско-финского прихода были ремесленниками», а «почти половина женщин-прихожанок трудились служанками, горничными и кормилицами» [8. С. 63]. Прослойка иноземных купцов и предпринимателей состояла примерно из двухсот человек (торговцев и их жен). Эти данные опираются на сведения о минимальных процентных долях представителей различных социальных групп среди мужчин инославных приходов, которые были получены при исследовании католических и протестантских метрических книг [5. С. 17–18; 6. С. 8–9; 19. С. 7–11; 27. С. 11–12]. Таким образом, иноземцы составляли ощутимую долю торгово-промышленного населения города, укрепляя посадскую прослойку. Православных посадских жителей столицы, занятых промыслами, ремеслом и торговлей, в 1737 г. насчитывалось всего 4 769 душ обоих полов (менее 7% православных), что наводило историков на мысль о том, что «посадское население зани-

мало весьма скромное место по сравнению с военно-служащими» [16. С. 6–7]. В действительности доля ремесленников и городских обывателей «среднего рода» (будущих мещан), хотя и уступала военным, была гораздо более значительной: вместе с иностранцами к этой прослойке должны быть отнесены не менее 10% всех жителей Аннинского Петербурга. Правда, судя по снижению числа прихожан шведско-финской кирки, к середине столетия доля иноземных ремесленников тоже, по-видимому, сократилась. Среди иноземцев имелись и крестьяне – жители окрестных ингермандландских сел, которые работали прислугой в городе и постепенно приобретали статус горожан [8. С. 66].

Военнослужащие западнохристианских вероисповеданий и взрослые члены их семей в Аннинском Петербурге не могли превышать пятисот человек, численно уступая военным служащим православного закона, которых в 1737 г. в городе насчитывалось 25 568 человек обоих полов [16. С. 6]. Вероятно, к иноземным военным служащим следует добавить еще пару сотен мусульман, ибо большая часть последних являлась рекрутами [29. С. 19]. Государственные служащие столичных ведомств иноземного происхождения исчислялись несколькими десятками, но при этом, несмотря на свою кажущуюся малочисленность, составляли немалый процент в составе российской бюрократии: в 1730-е гг. доля иностранцев среди чиновников колебалась от 15 до 30% [30. С. 32; 31. С. 405].

Социально-профессиональный состав петербургского иноземного социума сравнительно хорошо был изучен Л.Н. Семеновой по материалам конца XVIII столетия [16. С. 19–20]. Источники первой половины

века вносят в созданную исследователем картину ряд корректив. Так, среди петербургских немцев католического вероисповедания несколько чаще, в сравнении с немцами-лютеранами, обнаруживаются специалисты художественного профиля – скульпторы, декораторы, музыканты, садовники. Немцы-лютеране обычно занимались не столь «возвышенными» видами труда, работая кузнецами, каретниками, шорниками, стекольщиками, сапожниками, шляпниками, портными, пекарями, кондитерами, колбасниками и т.д. Многие из них служили горными рабочими, кучерами и конюхами, лакеями в частных домах. Впрочем, немецкие лютеранские общины тоже вбирали в себя немало лиц творческих профессий – граверов, резчиков, оружейников, золотых и серебряных дел мастеров и иных специалистов. Чиновники и ученые из немцев, наоборот, в подавляющем большинстве исповедовали лютеранство. Французы-католики в сравнении с гугенотами в своих рядах также насчитывали больше «служителей муз» – декораторов, скульпторов, живописцев, ювелиров, мастеров декоративно-прикладного искусства. Вообще французы занимались всевозможными видами ремесла, служили поварами, парикмахерами, гувернерами, как и немцы. Предпринимателей среди них было совсем немного, преимущественно реформатской веры.

Конфессиональный фактор часто сказывался на выборе иноземцами рода занятий: например, голландцы-реформаты в основном были представлены купцами, но среди них можно обнаружить также живописцев, граверов, архитекторов-строителей, мастеров и техников разного профиля и квалификации. Голландцы-католики – это в первую очередь ремесленники (кораблестроители) и садовники. Петербургские англичане преимущественно были заняты в торгово-промышленной сфере, служили моряками или занимались корабельным делом во всех его технологических звеньях, включая проектирование судов, изготовление лесопильного материала, слесарное и плотницкое дело, оснащение и украшение кораблей. Итальянцы занимали свою нишу в жизни города, выступая в качестве актеров театра, комедиантов, певцов, танцовщиков, музыкантов-исполнителей, деяте-

лей «изящных искусств» (зодчих, скульпторов, живописцев). Не были они чужды коммерции и военному делу. Армяне специализировались на торговле; поляки служили в вооруженных силах, а также являлись аптекарями, фармацевтами, поварами, мастерами. В Петербурге имели практику многочисленные врачи разных национальностей, но доминировали в этой сфере немцы и англичане.

Приведенные выше данные характеризуют иноземцев в официальном толковании этого термина (т.е. неправославных жителей города). В XVIII в. немцы, финны, армяне, татары и представители иных народов массово переходили в православную веру и вследствие этого переставали быть частью иноземного социума. С современной нам точки зрения их тоже можно считать нерусскими: с потерей религиозной идентичности они далеко не сразу утрачивали идентичность национальную и продолжали придавать новой столице соответственно «европейские» или «азиатские» черты. Учесть таких «русифицированных» иностранцев статистически сложно, и эта задача будущего большого исследования. Впрочем, сведений только о неправославных иноземцах вполне достаточно для того, чтобы признать факт их широкого присутствия и большого значения в жизни Санкт-Петербурга первой половины XVIII в. Наибольшая концентрация иноземцев (10–13%) в новой столице наблюдалась в Петровскую эпоху, в то время как при ближайших преемниках царя-реформатора город значительно «обрусел». Тем не менее, даже при снижении доли иностранного населения до 6–7%, ремесленно-торговая прослойка горожан в значительной мере (более чем на треть) состояла из иноземцев. Именно они, преимущественно люди европейских наций, делали Санкт-Петербург европейским городом не только структурно, но и функционально (т.е. с точки зрения развития социальных институтов, ремесел и технологий). Иноземцам было доверено внедрять принципы и достижения западной бытовой, художественной и производственной культуры в полном соответствии с теми задачами, которые Петр Великий ставил в Регламенте Главного магистрата и других регламентирующих жизнь города актах.

Примечания

¹ Учтены лютеране будущих общин Св. Петра, Св. Анны и Св. Екатерины, исходя из средних показателей числа обрядов, совершенных в 1720-е гг. Подсчитано по сведениям А.Э. Алакшина и по его методике [4. С. 99, 101, 108, 114–115].

² Данные следуют из численности персонально учтенных взрослых реформатов по метрическим записям 1721–1730 гг. [5. С. 16].

³ Подсчитано по числу церковных обрядов немецких общин с присовокуплением 1 500–1 600 прихожан шведско-финской кирки (данные Б. Янгфельдта) и 100 лютеран Сухопутного шляхетского кадетского корпуса [4. С. 99, 108, 115, 125, 133].

⁴ Коэффициент отношения совокупного числа взрослых прихожан к количеству крещений 7,3 умножен на 29 погребений и 24 крещения, совершаемых в среднем ежегодно [4. С. 101, 131–132].

⁵ В расчет приняты более 700 взрослых прихожан Петрикирхе, 400 – Анненкирхе, 200–250 – «Преображенской» общины (будущей Св. Екатерины) на Васильевском острове, 150 лютеран кадетского корпуса, 300 шведов и финнов [19. С. 6–10].

⁶ По мнению Н.В. Юхнёвой, численность немцев Санкт-Петербурга в XVIII в. в разные периоды и по разным источникам оценивается от 5 до 15 тыс. человек [26. С. 84].

⁷ Считается, что 90% петербургских немцев являлись протестантами и только около 5% – католиками [25. С. 157]. Это мнение ошибочно.

Список источников

- Опарина Т.А. Иноземцы в России в XVI–XVII вв.: Очерки исторической биографии и генеалогии. М.: Прогресс; Традиция, 2007. 384 с.
- Андреев А.Н. Конфессиональная жизнь петербургских католиков в XVIII столетии // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер. Социально-гуманитарные науки. 2014. Т. 14, № 1. С. 6–14.
- Самыловская Е.А. Католическая община Санкт-Петербурга в первой половине XVIII века: дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2016. 206 с.

4. Алакшин А.Э. Протестантские общины в Петербурге в XVIII веке. Челябинск : Челяб. гос. ун-т, 2006. 415 с.
5. Андреев А.Н. Реформатское население Санкт-Петербурга в первой половине XVIII века по регистрационным журналам церковных приходов // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер. Социально-гуманитарные науки. 2020. Т. 20, № 4. С. 14–23.
6. Андреев А.Н. Англикане и иноземцы других конфессий в Санкт-Петербурге первой половины XVIII века по метрикам англиканского прихода // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер. Социально-гуманитарные науки. 2019. Т. 19, № 4. С. 6–15.
7. Кабузан В.М. Распространение Православия и других конфессий в России в XVIII – начале XX в. (1719–1917 гг.). М. : Ин-т российской истории РАН, 2008. 271 с.
8. Янгфельдт Б. Шведские пути в Санкт-Петербург : главы из истории о шведах на берегах Невы / пер. с швед. Ю.Н. Беспярых. Стокгольм ; СПб. : Шведский институт – БЛИЦ, 2003. 360 с.
9. Янгфельдт Б. От варягов до Нобеля: шведы на берегах Невы / автор. пер. с швед. Ю.Н. Беспярых. М. : Ломоносов, 2010. 392 с.
10. Орлов К.В. Армянская церковь в Петербурге // Многонациональный Петербург : История. Религии. Народы. СПб. : Искусство-СПб., 2002. С. 226–233.
11. Ангаладян Р. Армянский Петербург // 21-й век : инф.-аналит. журнал. 2010. № 4 (16). С. 91–108.
12. РГИА. Ф. 796. Оп. 6. Д. 299: Дело «По прошению Армянского архиепископа Минаса Вартапеда и некоторых армян о дозволении им иметь в Санкт-Петербурге молитвенный дом» (15 сентября 1725 г. – 14 октября 1728 г.). 14 л.
13. Георги И.Г. Описание российско-императорского столичного города Санкт-Петербурга и достопамятностей в окрестностях оного. СПб. : Шляхетский сухопутный кадетский корпус, 1794. Ч. 2. 576 с.
14. Файзрахманов И.З. Татарский след на берегах Невы: из истории строительства Санкт-Петербурга в первой четверти XVIII в. // Научный Татарстан. 2009. № 2. С. 222–233.
15. Салмин А.К. Санкт-Петербург XVIII века и чуваш // Чувашский гуманитарный вестник. 2009. № 4. С. 58–78.
16. Семенова Л.Н. Быт и население Санкт-Петербурга (XVIII век). М. ; СПб. : Весь мир ; Рус.-Балт. Инф. центр БЛИЦ, 1998. 227, [27] с.
17. РГИА. Ф. 796. Оп. 25. Д. 297: О переходе в православие камергера Якова Балка и графини Марфы Скарвонской. О правилах перехода в православие из других вероисповеданий (1744–1750). 311 л.
18. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Второе. СПб. : Типография 2-го Отделения, 1830. Т. 11. 990 с.
19. Андреев А.Н., Андреева Ю.С. Лютеранское население Санкт-Петербурга в первой половине XVIII века по сведениям брачных реестров приходских церквей // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер. Социально-гуманитарные науки. 2020. Т. 20, № 4. С. 6–13.
20. Юхнёва Н.В. Многонациональная столица империи // Многонациональный Петербург : История. Религии. Народы. СПб. : Искусство-СПб., 2002. С. 9–72.
21. Очерки истории Ленинграда. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1955. Т. 1: Период феодализма (1703–1861 гг.). 896 с.
22. Петров П.Н. История Санкт-Петербурга с основания города до введения в действие выборного городского управления по учреждениям о губерниях. 1703–1782. СПб. : Тип. Глазунова, 1884. [2], XXIV, 848, 246, [6] с.
23. Семенова Л.Н. Национальный состав населения Петербурга в XVIII веке // Русско-немецкие контакты в биографии Петербурга : материалы междунар. конф. СПб. : Междунар. благотвор. Фонд спасения Санкт-Петербурга, 1992. С. 3–4.
24. Спивак Д.Л. Метафизика Петербурга: немецкий дух. СПб. : Алетейя, 2003. 448 с.
25. Дальман Д. Петербургские немцы в XVIII столетии: крестьяне, ремесленники, предприниматели // Немцы в России: петербургские немцы : сб. ст. / отв. ред. Г.И. Смагина. СПб. : Дмитрий Буланин, 1999. С. 156–163.
26. Юхнёва Н.В. Этнические группы и их общинная жизнь в старом Петербурге // Многонациональный Петербург : История. Религии. Народы. СПб. : Искусство-СПб., 2002. С. 73–141.
27. Андреев А.Н. Католический социум Санкт-Петербурга по метрическим записям прихода Греческой слободы (1710–1740 гг.): опыт составления и изучения базы данных // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер. Социально-гуманитарные науки. 2019. Т. 19, № 3. С. 6–15.
28. Pullat R. Peterburi eestlased. Ajaloolis demograafiline käsitus XVIII sajandi algusest kuni 1917. aastani. Tallinn : Eesti Raamat, 1981. 64 s.
29. Тагирджанова А.Н. Мечети Петербурга: проекты, воплощение, история мусульманской общины. СПб. : Полторак, 2014. 163 с.
30. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. 3-е изд., испр. и доп. СПб. : Дмитрий Буланин, 2003. Т. 1. 548 с.
31. Андреев А.Н. Численность протестантов в верхнем звене гражданского управления России при Анне Иоанновне // Наука ЮУрГУ : материалы 68-й науч. конф. Секции социально-гуманитарных наук. Челябинск : Изд. центр ЮУрГУ, 2016. С. 404–409.

References

1. Oparina, T.A. (2007) *Inozemtsy v Rossii v XVI–XVII vv.: Ocherki istoricheskoy biografii i genealogii* [Foreigners in Russia in the 16th–17th centuries: Essays of historical biography and genealogy]. Moscow: Progress–Traditsiya.
2. Andreev, A.N. (2014) *Konfessional'naya zhizn' peterburgskikh katolikov v XVIII stoletii* [Confessional life of Petersburg Roman Catholics in the 18th century] *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya "Sotsial'no-Gumanitarnye nauki"*. 14 (1). pp. 6–14.
3. Samylovskaya, E.A. (2016) *Katolicheskaya obshchina Sankt-Peterburga v pervoy polovine XVIII veka* [Catholic community of St. Petersburg in the first half of the 18th century]. History Cand. Diss. St. Petersburg.
4. Alakshin, A.E. (2006) *Protestantskie obshchiny v Peterburge v XVIII veke* [Protestant communities in St. Petersburg in the 18th century]. Chelyabinsk: Chelyabinsk State University.
5. Andreev, A.N. (2020) *Reformatskoe naselenie Sankt-Peterburga v pervoy polovine XVIII veka po registratsionnym zhurnalom tserkovnykh prokhodov* [Calvinist population of Saint Petersburg in the first half of the 18th century according to the registers of Church parishes] *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya "Sotsial'no-Gumanitarnye nauki"*. 20 (4). pp. 14–23.
6. Andreev, A.N. (2019) *Anglikane i inozemtsy drugikh konfessiy v Sankt-Peterburge pervoy poloviny XVIII veka po metrikam anglikanskogo prikhoda* [Anglicans and foreigners of other faiths in Saint Petersburg in the first half of the 18th century according to the Anglican parish register] *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya "Sotsial'no-Gumanitarnye nauki"*. 19 (4). pp. 6–15.
7. Kabuzan, V.M. (2008) *Rasprostraneniye Pravoslaviya i drugikh konfessiy v Rossii v XVIII – nachale XX v.* [The spread of Orthodoxy and other confessions in Russia in the 18th – early 20th centuries]. Moscow: Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences.
8. Yangfeldt, B. (2003) *Shvedskie puti v Sankt-Peterburg: Glavy iz istorii o shvedakh na beregakh Nevy* [Swedish ways to St. Petersburg: Chapters from the history of the Swedes on the banks of the Neva]. Stockholm: Saint Petersburg: Blitz.
9. Yangfeldt, B. (2010) *Ot varyagov do Nobelya: Shvedy na beregakh Nevy* [From the Vikings to Nobel: The Swedes on the banks of the Neva]. Moscow: Lomonosov.
10. Orlov, K.V. (2002) *Armianskaya tserkov' v Peterburge* [Armenian Church in St. Petersburg]. In: *Mnogonatsional'nyy Peterburg: Istoriya. Religii. Narody* [Multinational St. Petersburg: History. Religions. Peoples]. Saint Petersburg: Iskustvo–SPb. pp. 226–233.
11. Angaladyan, R. (2010) *Armianskiy Peterburg* [Armenian Petersburg] *21st century: Information and Analytical Journal*. 4 (16). pp. 91–108.

12. Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 796. List 6. File 299. *Delo "Po prosheniyu Armyanskogo arkhiepiskopa Minasa Vartapeda i nekotorykh arмянan o dovolenii im imet' v Sankt-Peterburge molitvennyy dom"* ["At the request of the Armenian Archbishop Minas Vartaped and some Armenians for permission to have a house of prayer in St. Petersburg"] (1725–1728).
13. Georgi, I.G. (1794) *Opisanie rossiysko-imperatorskogo stolichnogo goroda Sankt-Peterburga i dostopamyatnostey v okrestnostyakh onogo* [Description of the Russian Imperial capital city of St. Petersburg and the sights in the vicinity of it]. Part 2. Saint Petersburg: Gentry Land Cadet Corps.
14. Fayzrakhmanov, I.Z. (2009) Tatarskiy sled na beregakh Nevy: iz istorii stroitel'stva Sankt-Peterburga v pervoy chetverti XVIII v. [The Tatar trace on the banks of the Neva: from the history of St. Petersburg construction in the first quarter of the 18th century] *Nauchnyy Tatarstan*. 2. pp. 222–233.
15. Salmin, A.K. (2009) Sankt-Peterburg XVIII veka i chuvashy [St. Petersburg of the 18th century and the Chuvash] *Chuvashskyy gumanitarnyy vestnik*. 4. pp. 58–78.
16. Semyonova, L.N. (1998) *Byt i naselenie Sankt-Peterburga (XVIII vek)* [Life and population of St. Petersburg (18th century)]. Moscow; St. Petersburg: Ves' mir: Blitz.
17. Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 796. List 25. File 297. *O perekhode v pravoslaviye kamergera Yakova Balka i grafiny Marfy Skavronskoy. O pravilakh perekhoda v pravoslaviye iz drugih veroispovedaniy* [About the conversion to Orthodoxy of Kammerherr Yakov Balk and Countess Martha Skavronskaya. About the rules of conversion to Orthodoxy from other faiths] (1744–1750).
18. Russian Empire. (1830) *Polnoye sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Vol. 11. St. Petersburg: Printing House of the 2nd Branch of His Majesty's Chancery.
19. Andreev, A.N. & Andreeva, Yu.S. (2020) Lyuteranskoye naselenie Sankt-Peterburga v pervoy polovine XVIII veka po svedeniyam brachnykh reyestrov prikhodskikh tserkvey [Lutheran population of Saint Petersburg in the first half of the 18th century according to the parish marriage registers] *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya "Sotsial'no-Gumanitarnye nauki"*. 20 (4). pp. 6–13.
20. Yuhnyova, N.V. (2002) Mnogonatsional'naya stolitsa imperii [The multinational capital of the Empire]. In: *Mnogonatsional'nyy Peterburg: Istoriya. Religii. Narody* [Multinational St. Petersburg: History. Religions. Peoples]. Saint Petersburg: Iskustvo–SPb. pp. 9–72.
21. USSR Academy of Sciences. (1955) *Ocherki istorii Leningrada* [Essays on the Leningrad history]. Vol. 1. Moscow – Leningrad: USSR Academy of Sciences.
22. Petrov, P.N. (1884) *Istoriya Sankt-Peterburga s osnovaniya goroda do vvedeniya v deystvie vybornogo gorodskogo upravleniya po uchrezhdeniyam o guberniyakh. 1703–1782* [The history of St. Petersburg from the foundation of the city to the introduction of an elected city administration for the institutions of the provinces. 1703–1782]. Saint Petersburg: Glazunov Printing House.
23. Semyonova, L.N. (1992) *Natsional'nyy sostav naseleniya Peterburga v XVIII veke* [National composition of the Petersburg population in the 18th century]. In: *Russko-nemetskie kontakty v biografii Peterburga* [Russian-German contacts in the Petersburg biography]. Saint Petersburg: International Charitable Foundation for the Salvation of St. Petersburg. pp. 3–4.
24. Spivak, D.L. (2003) *Metafizika Peterburga: Nemetskiy dukh* [Metaphysics of St. Petersburg: The German spirit]. Saint Petersburg: Aleteya.
25. Dahlmann, D. (1999) Peterburgskiy nemtsy v XVIII stoletii: krestiane, remeslenniki, predprinimateli [St. Petersburg Germans in the 18th century: peasants, artisans, businesspersons]. In: *Nemtsy v Rossii: Peterburgskiy nemtsy* [Germans in Russia: St. Petersburg Germans]. Saint Petersburg: Dmitry Bulanin. pp. 156–163.
26. Yuhnyova, N.V. (2002) Etnicheskiye gruppy i ikh obsshinnaya zhizn' v starom Peterburge [Ethnic groups and their community life in Old St. Petersburg]. In: *Mnogonatsional'nyy Peterburg: Istoriya. Religii. Narody* [Multinational St. Petersburg: History. Religions. Peoples]. Saint Petersburg: Iskustvo–SPb. pp. 73–141.
27. Andreev, A.N. (2019) Katolicheskiy sotsium Sankt-Peterburga po metriceskim zapisyam prikhoda Grecheskoy slobody (1710–1740 gg.): opyt sostavleniya i izucheniya bazy dannykh [Catholic society of Saint Petersburg according to the metric records of the Greek township's parish (1710–1740): an attempt to compile and study the database] *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya "Sotsial'no-Gumanitarnye nauki"*. 19 (3). pp. 6–15.
28. Pullat, R. (1981) *Peterburi eestlased. Ajaloolis demograafiline kasitus XVIII sajandi algusest kuni 1917. aastani*. Tallinn: Kirjastus "Eesti Raamat".
29. Tagirjanova, A.N. (2014) *Mecheti Peterburga: proyekty, voploscheniye, istoriya musul'manskoy obsshiny* [Mosques of St. Petersburg: projects, implementation, history of the Muslim community]. St. Petersburg: Poltorak.
30. Mironov, B.N. (2003) *Sotsial'naya istoriya Rossii perioda imperii (XVIII – nachalo XX v.): Genesis lichnosti, demokraticeskoy semyi, grazhdanskogo obshchestva i pravovogo gosudarstva* [Social history of Russia during the Empire epoch (18th – early 20-th century): The genesis of personality, democratic family, civil society and the law abiding state]. Vol. 1. St. Petersburg: Dmitry Bulanin.
31. Andreev, A.N. (2016) [Number of Protestants in the upper level of the Russian civil administration under Anna Ioannovna]. In: *Nauka YuUrGU [SUSU Science]. Proceedings of the 68th Conference. Sections of Social Sciences and Humanities*. Chelyabinsk: SUSU. pp. 404–409. (In Russian).

Информация об авторах:

Андреев А.Н. – д-р ист. наук, профессор кафедры теологии, культуры и искусства Южно-Уральского государственного университета (Челябинск, Россия). E-mail: alxand@yandex.ru

Андреева Ю.С. – канд. ист. наук, старший научный сотрудник научно-образовательного центра “Актуальные проблемы истории и теории культуры” Южно-Уральского государственного университета (Челябинск, Россия). E-mail: iulyand@yandex.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

A.N. Andreev, Dr. Sci. (History), professor, South Ural State University (Chelyabinsk, Russian Federation). E-mail: alxand@yandex.ru

Yu.S. Andreeva, Cand. Sci. (History), senior researcher, South Ural State University (Chelyabinsk, Russian Federation). E-mail: iulyand@yandex.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 17.09.2021;
одобрена после рецензирования 19.10.2021; принята к публикации 20.05.2022.*

*The article was submitted 17.09.2021;
approved after reviewing 19.10.2021; accepted for publication 20.05.2022.*